Н. В. НИКИТИН

◆

ПРЕСТУПНЫЙ МИР И ЕГО ЗАЩИТНИКИ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 343(091)(47)
ББК 67.3(2)
Н 62

Оформление обложки Ильи Кучмы

Никитин Н. В.

Н 62 Преступный мир и его защитники : Рассказы о самых громких уголовных процессах России конца XIX — начала XX века / Н. В. Никитин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 608 с.

ISBN 978-5-389-34007-7

Н. В. Никитин (псевдоним Азовец) — писатель и публицист конца XIX — начала XX века, автор уголовно-бытовых романов и очерков. «Преступный мир и его защитники» — самая известная его книга. Она посвящена громким судебным процессам, в которых участвовали знаменитые российские адвокаты. Уголовные преступления всех видов — убийства, грабежи, мошенничества, подлоги, банковские махинации, разбой и др., — совершенные на рубеже веков в столице Российской империи и в провинции, послужили материалом для документального повествования. Впервые книга Никитина была опубликована в 1902–1903 годах и получила широкий резонанс. В 1910 году увидело свет ее новое, дополненное издание. Увлекательно написанная, эта книга адресована всем, кто интересуется историей права и криминалистики.

УДК 343(091)(47)
ББК 67.3(2)

ISBN 978-5-389-34007-7

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Предисловие

Суд — это жизнь и в то же время школа: он учит, как не надо жить.

Сама действительность, в большинстве неприглядная, ничем не скрашенная, с ее пошлостью, горем и страстями, во всей своей наготе предстает в торжественных залах суда.

Как бесконечный клубок, обыденная жизнь день за днем беспрестанно развертывается перед судьями и общественной совестью.

Дикая злоба, безумная ревность, отчаяние, погоня за легкой наживой, месть, грозный адюльтер и муки отвергнутой любви — все это переплетается между собой, ожидая возмездия или прощения.

Суд, по священному завету Законодателя, есть скорый, правый, милостивый и равный для всех суд.

Чутко прислушиваясь к обвинению и защите, он выносит в своем беспристрастном решении только одну живую правду.

Обвинение — грозно и зовет провинившегося человека к ответу, но велико святое дело защиты: внести свет в преступление и вызвать милость к падшему.

В данной книге собраны по возможности выдающиеся уголовные процессы во главе с известными представителями петербургской адвокатуры.

Большой успех, какой выпал на долю этой книги, при первом появлении, вместе с лестными отзывами печати («Вестник Европы», «Петербургские ведомости» и другие), дает основание надеяться, что и второе издание ее найдет широкий доступ к публике.

Новое издание значительно дополнено, и читатель найдет в нем между прочим подробное содержание выдающейся речи бывшего обер-прокурора Правительствующего сената, ныне министра юстиции И. Г. Щегловитова, о правах защиты и присяжных заседателей, а также и нашумевший в последнее время характерный процесс адвокатов по делу Ольги Штейн.

Н. В. Никитин (Азовец)

С.-Петербург
1 июня 1910 года

ПРАВА ЗАЩИТНИКОВ И ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Всем известно, какое огромное значение в деле уголовного судопроизводства имеют присяжные заседатели, призванные судить, и непосредственно сама защита, на обязанности которой лежит пробуждать милость к падшему и сострадание — к невиновному. Очень часто исход дела зависит исключительно от них, и, несмотря на суровое обвинение со стороны закона, подсудимый покидает свою позорную скамью оправданным и возвращается в жизнь по-прежнему полноправным гражданином. Однако в определении прав защиты и присяжных заседателей в судебной практике нередко бывали разногласия, и вопрос об этом восходил даже до Правительствующего сената. Наиболее полное, существенное разъяснение этого вопроса дал бывший обер-прокурор Правительствующего сената, ныне министр юстиции И. Г. Щегловитов. Ввиду того что мнение такого выдающегося юриста, заявленное к тому же официально, имеет важное значение как для адвокатов, так и вообще для всего общества, из которого вербуются кадры присяжных заседателей, мы приводим его возможно подробнее.

Поводом к разъяснению И. Г. Щегловитовым прав защиты и присяжных заседателей послужило известное дело о крахе страхового и транспортного

общества «Россиянин», наделавшее в свое время много шума. Рассмотрение этого дела происходило в Санкт-Петербургском окружном суде в течение шести суток и закончилось обвинением одного из директоров злополучного общества — купца А. С. Семенова. Однако ввиду допущенного судом нарушения порядка судопроизводства приговор был обжалован защитой в Правительствующий сенат. В кассационных жалобах главным образом были возбуждены два кардинальных для современного суда вопроса. Первый вопрос сводился к определению прав защитника на суде, второй же вопрос касался степени полномочий присяжных заседателей относительно оснований, какими они должны руководствоваться относительно вменения подсудимому в вину совершенного им преступления.

Давая свое заключение по этому делу, И. Г. Щегловитов подробно развил те общие начала, которыми определяются необходимость уголовной защиты, ее назначение и условия исполнения ею возлагаемой на нее задачи, и указал на то, что уголовное правосудие, имеющее своей целью служить охраной общественного порядка и спокойствия и интересов граждан, может достигнуть этого только путем открытия в каждом деле безусловной истины, то есть действительным установлением виновности подсудимого, дающей право на применение к нему определенного законом наказания. Отыскание же истины в современном уголовном процессе обеспечивается между прочим началом состязательности, в силу которого в этом процессе созданы стороны обвинения и защиты. Каждая из них призвана служить обнаружению истины посредством отстаивания односторонних точек зрения, обосновывающих собой инте-

ресы обвинения или защиты. Столкновение этих точек зрения облегчает суду распознавание истины. Сказанным определяется не только необходимость сторон в процессе, и в частности защиты, но и служебная, часто вспомогательная их роль в деле отправления правосудия.

Указанная вспомогательная роль в деле отправления уголовного правосудия достигается защитой, выполнением ею своего прямого назначения, а именно отстаиванием перед судом интересов подсудимого. Назначение уголовной защиты в точности определено в ст. 744 уст⟨ава⟩ угол⟨овного⟩ суд⟨опроизводства⟩, по которой защитник подсудимого объясняет в защитительной речи все те обстоятельства и доводы, которыми опровергается или ослабляется взведенное против подсудимого обвинение. Вместе с тем и присягой, которую принимают лица, вступающие в число присяжных поверенных, они обязываются «охранять интересы своих доверителей или лиц, дела которых будут на них возложены» (прил. к ст. 381 учр⟨еждения⟩ суд⟨ебных⟩ уст⟨ановлений⟩). Отстаивание интересов подсудимого на уголовном суде является при этом настолько безусловной обязанностью защитника, что, как это признается процессуальной наукой и кассационной практикой (реш. общ. собр. 1879 г., № 4), ему не может быть поставлено в вину принятие на себя защиты такого лица, в невинности которого он не убежден. При этом если защитник может не принять на себя защиту по соглашению, то он, как это определено ст. 394 учр. суд. уст. в отношении присяжных поверенных, не может отказаться от защиты, возложенной на него председателем судебного места, не представить достаточных причин, к числу которых убеждение в ви-

новности подсудимого, конечно, отнесено быть не может. Из обязанности защитника отстаивать интересы подсудимого вытекает также и то, что он не имеет права проводить обстоятельства в пользу обвинения. Такой образ действий, в корне нарушающий идею уголовной защиты, является одним из самых тяжких уклонений защитника от исполнения своих обязанностей.

Участие защитника при судебном рассмотрении составляет, без сомнения, необходимое процессуальное условие, соблюдение которого, по крайней мере по важнейшим уголовным делам, сделалось предметом особой заботливости современных законодательств, проникающихся все более и более воззрением на защиту как на служение общественное. В развитие этого начала наука требует даже, чтобы наличность защиты на суде не стояла в зависимости от желания обвиняемого. Указанной заботливостью дела была всегда проникнута и кассационная практика, признающая серьезным нарушением несвоевременное извещение подсудимого о невозможности назначить ему защитника и установившая между прочим задолго до издания закона 2 июня 1897 года обязательное назначение защитников несовершеннолетним подсудимым (цирк⟨улярный⟩ указ угол⟨овного⟩ кас⟨ационного⟩ департамента от 24 августа 1878 г., №44). Действительно, уголовно-политическое значение защиты в уголовном процессе велико. Можно с уверенностью утверждать, что судебный приговор, который состоялся без бытности защитника на суде, не может произвести того благотворного впечатления, которое в высшей степени важно для поддержания в обществе должного доверия и уважения к суду. Только приговор, состоящийся при участии защиты, создает уверен-

ность, что суд осуждает виновных и оправдывает невиновных.

Каковы же, однако, условия, которыми обставлено выполнение защитой своей благородной миссии — отстаивать интересы подсудимого? Устав уголовного судопроизводства, вооружая защитника в ст. 630 процессуальными правами на судебном следствии, равными притом правам обвинителя и гражданского истца, предъявляет к нему в ст. 745 только требования о том, чтобы он не распространялся о предметах, не имеющих никакого отношения к делу, и не позволял себе нарушать должное уважение к религии, закону и установленным властям, ни употреблять выражения, оскорбительные для чьей бы то ни было личности. Равным образом и в присяге на звание присяжного поверенного содержится требование «не писать и не говорить на суде ничего, что могло бы клониться к ослаблению православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности», и «не нарушать уважения к судам и властям» (прил. к ст. 381 учр. суд. уст.). В точном соответствии с этими требованиями определена в законе и обязанность председателя, выраженная в ст. 611 уст. угол. суд., устранять из прений все, что не имеет прямого отношения к делу, и не допускать ни оскорбительных для чьей бы то ни было личности отзывов, ни нарушения должного уважения к религии, закону и установленным властям.

С своей стороны Правительствующий сенат зорко поддерживал приведенные требования, признавая их нарушение, если оно вовремя не было пресечено, существенным. Так, еще в решении уголовного кассационного департамента 1871 года № 1838 по делу Антипова Сенатом было высказано, что судеб-

ные прения, при которых были нарушены ст. 611, 737 и 745 уст. угол. суд. и которые не были введены с тем достоинством, спокойствием и правильностью, которые необходимы для того, чтобы присяжные заседатели могли приступить к разрешению дела без всякого увлечения к обвинению или оправданию подсудимых, не могут служить основанием правильного судебного приговора. По этому делу защитник, отвечая на обращение прокурорского надзора к присяжным «Вы не должны выходить из закона, потому что выходить из закона значит быть беззаконниками», сказал: «Если на основании доводов, высказанных прокурорским надзором, признать подсудимого виновным в разбое, то это будет судебный разбой». Затем в решении 1887 года №32 по делу Саратовско-Сибирского банка Правительствующий сенат усмотрел ст. 611 уст. угол. суд. со стороны председательствующего, допустившего в прениях полное извращение процессуальных ролей, при котором гражданские истцы явились в ролях: одни — защитников и каких-то милователей, другие — ярых обвинителей, а защитники — в ролях обвинителей. В судебных прениях по этому делу говорилось между прочим о Владимире Мономахе и летописцах, о муравьиных и воробьиных гнездах, причиной краха банка признавалась следственная власть, не вовремя прикоснувшаяся к этому учреждению. Далее в решении 1888 года № 16 по делу Кетхудова и Махровского Сенат признал существенным злоупотреблением защитником своими обязанностями указание присяжным заседателям на то, что они должны иметь в виду при решении дела не оценку доказательства виновности, а высшие государственные интересы, будто бы нарушенные потерпевшим, что в основе их

решения должны лежать политические соображения, а не начала справедливости, и что необходимы оправдательные приговоры лиц, хотя бы и виновных, чтобы сдержать своекорыстные стремления богачей. В решении 1904 года № 4 по делу Салтыкова Правительствующий сенат высказался, что в учреждении, призванном к охранению государственных и общественных интересов, посредством правосудного разрешения вопросов о преступности действий нарушителя закона, не могут быть допускаемы речи, в коих растрата присяжным поверенным денег, вверенных ему доверителями, именуется «легкомысленной шалостью», а дальнейшее хищение этим лицом собственности доверителей, прикрываемое подлогами, «естественным» и ненаказуемым последствием первого легкомысленного, но не преступного действия. При этом Сенат указал на то, что подобного содержания речь является не соответствующей задачам защиты вообще и представляет собою соображения, направленные не к изысканию истины на суде, а к извращению перед присяжными заседателями понятий о дозволенном и воспрещенном как законом уголовным, так и нравственностью, к насаждению в их умах смутного представления о присущих им правах и обязанностях. В высшей степени ценные разъяснения были также преподаны Правительствующим сенатом в решении 1892 года № 20 по делу Дорна о пределах, в которых в судебных речах могут быть приводимы обстоятельства, касающиеся чести и доброго имени противной стороны свидетелей и вообще третьих лиц. В этом решении Сенат основывался на ст. 158 учр. суд. уст.

Защита вольна просить в своей речи или об оправдании подсудимого, или только о признании его за-

служивающим снисхождения. Об оправдании она имеет право просить безразлично к тому, признал ли подсудимый себя виновным или нет, подтверждается ли учиненное им сознание обстоятельствами дела, или оно ими опровергается, требовал ли защитник производства судебного следствия при наличностей сознания, и, наконец, выясняется ли по делу законная причина невменения.

Преследуя отрицательную цель — опровергнуть или ослабить доводы обвинителя, защитник в своей речи может развивать как фактические, так и юридические основы обвинения. В отношении последних согласно ст. 746 уст. угол. суд. он не вправе по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, касаться ответственности, угрожающей подсудимому. Но зато он уполномочен войти в критическую оценку всех материально-правовых и процессуальных условий обвинения, предъявляемого к подсудимому. Поэтому он вправе доказывать, что в деянии, приписываемом подсудимому, не содержится признаков преступления, что в деле усматривается один из преюдициальных вопросов, требующих предварительного разрешения компетентным судом, что самое преследование возбуждено не в установленном порядке, что в деле обнаруживается наличность одной из причин, устраняющих преступность деяния, или же условий, исключающих вменение подсудимому содеянного, и, наконец, что в учиненном подсудимым не заключается караемой законом вины, будет ли та вина умышленная или неосторожная. Высказывая одно из приведенных правовых положений, защитник тем самым в конечном выводе будет домогаться оправдания подсуди-

мого, хотя бы он вместе с тем не отрицал фактических основ предъявленного на суде обвинения. При этом, в частности, утверждая, что содеянное не должно быть вменено подсудимому в вину, защитник не может быть ограничен установкой одних причин невменения, указанных в законе, а именно в статье 92 улож⟨ений⟩ о наказ⟨аниях⟩ Шесть причин невменения, перечисленных в этой статье уложения, — случай, малолетство, безумие или болезнь известного характера, принуждение и необходимая оборона — представляются прежде всего неполными. Так, например, к числу их не отнесены согласие пострадавшего, исполнение закона, осуществление профессиональных обязанностей, покушение над несуществующим или безусловно негодным объектом. С другой стороны, многие из причин невменения, перечисленных в ст. 92 улож. о наказ., определены в законе настолько казуистично, что применение их в пределах одного буквального толкования порождает серьезные несоответствия. Достаточно в этом отношении указать на причины невменяемости, определенные в ст. 95 и 96 улож. о наказ., и на крайнюю необходимость, определенную в статье 100 того же уложения. Ограничивать защиту, при доказывании ею невменения подсудимому содеянного им, одними причинами, указанными в ст. 92 улож. о наказ., значило бы, по мнению И. Г. Щегловитова, лишить ее возможности устанавливать целый ряд таких причин невменения, которые хотя прямо и не выражены в законе, но вытекают из его разума и притом признаны кассационной практикой. Совершенная неполнота ст. 92 улож. о наказ. наглядно явствует, между прочим, из нового уголовного уложения, высочайше утвержденного 22 марта 1903 года, в кото-

ром причины невменения поставлены несравненно шире.

Применяя высказанные им общие соображения к первому возникшему по делу «Россиянина» вопросу о правах защиты в периоде заключительных прений по делам о подсудимых, учинявших сознание, не возбуждающее сомнений, если притом не имеется налицо законной причины невменения, И. Г. Щегловитов находил далее, что защита имеет неотъемлемое право ходатайствовать об оправдании подсудимого и по причинам невменения, в законе не указанным, лишь бы они не сводились к совершенному извращению уголовного закона или к ходатайству о прощении, то есть о даровании подсудимому помилования. Примерами таких уклонений защиты, требующих немедленного их пресечения председателем, могут служить два дела, рассматривавшиеся во II и III отделениях уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. По обоим делам Сенат усмотрел существенное нарушение защитой своих обязанностей, выразившееся в приглашении ею присяжных заседателей в одном случае — «идти беззаконным путем, ибо (по словам защитника) к такому беззаконию много лет призывают их со скамьи защиты, а со скамьи присяжных столько же лет ответом на этот призыв служит: нет, не виновен», а в другом случае — оправдать подсудимого, «взяв на свою душу его грех и пожалев тех галчат-детей, которые остаются от разоренного гнезда подсудимого».

Сознание, утратившее в современном уголовном процессе, с отменою теории формальных доказательств, значение лучшего доказательства, не лишает права стороны — доказывать как его фактическую

недостоверность, так и отсутствие в деянии сознающегося подсудимого признаков преступления или недостаточность оснований для вменения содеянного подсудимым ему в вину, а суда — постановить о сознавшемся оправдательный приговор. Не только защитник, при наличности сознания, вправе просить об оправдании подсудимого, но и прокурор, несмотря на сознание подсудимого, может воспользоваться предоставленным ему ст. 740 уст. угол. суд. правом отказаться от обвинения, если он признает сознание опровергнутым на судебном следствии или не совмещающим в себе условий, необходимых для уголовного вменения. Само по себе сознание, не возбуждающее сомнений в своей достоверности и за силою ст. 681 уст. угол. суд. устраняющее производство судебного следствия, может почитаться устанавливающим разве только событие преступного деяния и совершение его подсудимым, но отнюдь не вменение ему содеянного в вину. Если бы считать и этот последний вопрос предрешенным сознанием подсудимого, то самое произнесение судом приговора о виновности сводилось бы, в сущности, только к одной формальности, а прения сторон по этому предмету оказались бы совершенно ненужными. Этого последнего и требуют, между прочим, в своих крайних выводах представители так называемой антропологической школы уголовного права, высказывающиеся за устранение прений сторон по делам о подсудимых, принесших полное и несомненное сознание. Но такая мера не принята ни в одном законодательстве, а равно и в нашем уставе уголовного судопроизводства, устраняющем при наличности сознания, не вызывающего сомнения, производство судебного следствия, но не заключительные прения

сторон, которые должны иметь место по всем уголовным делам, и притом о подсудимых, сознающихся на тех же основаниях, как и о подсудимых несознающихся.

Руководствуясь приведенными общими соображениями в применении их к содержащемуся в кассационных жалобах по настоящему делу указанию на нарушение ст. 611, 612, 745 и 746 уст. угол. суд., обер-прокурор указывает, что нарушение этих статей устава действительно имело место. Как видно из протокола и удостоверенной судом части замечаний на протоколе, председательствующий воспретил сперва защитнику Семенова, помощнику присяжного поверенного Петрову, а затем назначенному взамен удаленного из судебного зала Петрова, вследствие неподчинения распоряжениям председательствующего, присяжному поверенному Елисееву ходатайствовать перед присяжными заседателями об оправдании подсудимого, учинившего сознание. Основанием к такому запрещению председательствующего послужило то обстоятельство, что защита не возбуждала сомнений относительно события преступления и не приводила законных причин невменения в вину подсудимому содеянного. Кроме того, председательствующий руководствовался еще и тем соображением, что защитник не имеет права давать присяжным заседателям общих разъяснений законов. Все эти основания, которыми руководствовался председательствующий, представляются неправильными. Право защитника просить об оправдании подсудимого сознавшегося отнюдь не ограничивается при неотрицании события преступления одними законными причинами невменяемости. Затем на основании ст. 746 уст. угол. суд., в связи с ст. 803,

защита имеет неотъемлемое право в своей речи касаться толкования законов в тех пределах, в которых это оказывается необходимым для интересов защиты. Вместе с тем вообще вмешательство председателя в судебные прения, вне случаев, точно указанных в ст. 611 уст. угол. суд., — а именно когда в прениях приводятся обстоятельства, не имеющие прямого отношения к делу, или допускаются оскорбительные для чьей-либо личности отзывы или же нарушение должного уважения к религии, закону и установленным властям, — представляется, как то и указывал уже Правительствующий сенат в решении 1888 года № 16 по делу Кетхудова и Махровского, совершенно нежелательным. Оно вносит напрасное смущение, развлекает внимание присяжных, делая их как бы молчаливыми судьями между председателем и стороной, и суживает область действий противной стороны, которая уполномочена возражать на речи своего противника. Стороны, конечно, легко могут допустить в своих речах неправильное изложение обстоятельств дела или неправильное толкование истинного разума закона. Все это предвидел законодатель, возложивший на председательствующего в ст. 802 уст. угол. суд. обязанность восстановить неправильности, допущенные сторонами, в напутственном слове присяжным заседателям. Если же председатель будет применять полномочия, принадлежащие ему по ст. 802, к судебным прениям, в особенности в форме воспрещения защитнику просить оправдательного приговора, как это имело место в настоящем деле, то тем самым, в сущности, будут отменены судебные прения, которым, однако, устав уголовного судопроизводства справедливо придает серьезное значение,

и будет восстановлен прежний инквизиционный процесс, не допускавший состязательного начала. Если признать за председателем право воспрещать защитнику просить об оправдании подсудимого, то придется признать за ним и полномочие воспрещать обвинителю отказываться на суде от обвинения, что в равной мере недопустимо. При таких условиях председатель превратится в прежнего инквизиционного судью, совмещавшего в себе обязанности и обвинителя, и защитника. Да и в какое положение будет поставлена защита, если ей впредь будет воспрещено просить об оправдании подсудимого, сознавшегося в совершенном им преступлении? Не будет ли она тем самым вынуждена в своих объяснениях с ним, предшествующих судебному рассмотрению, склонять подсудимого не сознаваться на суде, и не поведет ли подобная практика к тому, что сознание совершенно исчезнет из уголовных дел.

Другой вопрос — о полномочиях присяжных заседателей — И. Г. Щегловитов осветил также очень обстоятельно, затронув те основания, которыми они должны руководствоваться по поводу вменения в вину подсудимому совершенного им преступного деяния. По его мнению, учреждая суд присяжных в России, законодательная власть исходила из соображений о том, что от присяжных судей, собственно, требуется решение того, изобличается ли подсудимый в преступлении, которое выставлено обвинением и следствием. Если закон требует от обсуждающих фактическую сторону дела только одного полного внутреннего убеждения, не стесняемого никакими формальными доказательствами, то очевидно, что для справедливого решения такого вопроса при-

сяжные, избираемые обыкновенно из той же среды, к которой принадлежит обвиняемый, имеют более средств к оценке факта, чем судьи, чуждые местности или кругу, в коем совершилось преступление. Самое решение вопроса о вине или невиновности подсудимого по внутреннему убеждению предполагает, что каждый судья дает мнение по чистой совести, ничем не стесненной, причем преступления преследуются во имя государственных интересов и изобличенные преступники должны быть наказуемы по законам, утвержденным верховной законодательной властью, а не по произволу судей. Из этого следует, что если присяжные заседатели в оценке фактических обстоятельств дела не связаны законом, а призваны действовать по внутреннему убеждению ничем не стесняемой чистой совести, то в оценке правовой стороны дела они, наравне с коронными судьями, обязаны подчиняться закону. Закономерность есть основное начало деятельности всякого судьи, безразлично к тому — коронный ли он судья или присяжный заседатель. Идея всемогущества французского суда присяжных не имеет решительно никакой почвы в нашем законодательстве.

Но какие же правовые вопросы должны разрешать присяжные заседатели, когда они призваны для обсуждения «фактической стороны дела»? Ответ тот, что задача присяжных иногда усложняется определением в смысле действующих законов свойства или степени умысла подсудимого или обстоятельств, увеличивающих или уменьшающих его вину. В этих случаях присяжным могут быть сделаны председателем суда все надлежащие объяснения о существующих в законе правилах и о практическом их применении. Удостоверение одного голого

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

Н. В. НИКИТИН

ПРЕСТУПНЫЙ МИР И ЕГО ЗАЩИТНИКИ

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Попова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.09.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 31,92. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

12+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-CPI-43420-01-R